

В. САЯНОВ

ПОВЕСТИ
О
РУССКИХ ВОИНАХ

32580.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1944

СЛОВО О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

*С давних лет, словно память о воле,
Все живет Куликовское поле
В переплесках народной молвы
Славой воинских ратей Москвы.*

*Так прочтем же старинную повесть,—
Как из сел, разоренных догла,
В пламя битвы народная совесть
Всенародное войско вела.*

*Та зоря разгорелась сурово,
Что когда-то пылала вдали,—
Славься, поле побед — Куликово,—
Слава ранняя русской земли!*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Годы стародавние, времена глухие,
В пламени и дыме города родные.

Где пройдут набеги — нет травы зеленой,
Даже ястреб падает, злой стрелой пронзенный.

Далью полонятною, степью, лебедой
Скачут, скачут конники Золотой Ордой.

Там, в степях за Каспием, на исходе дней,
Небо вдруг разверзлося, с шумами да с гулами,

Кроме звезд полуночи, не видать огней,
Всадники раскосые скачут саксаулами.

Из озер полынных в их мешках вода,
От степной трясушки — сок из конской печени,

Шлет своих баскаков грозная Орда,
Города чужие саблей перемечены.

Папоротник пасмурный в лесу зацветет,
Захлебнется в омуте вражеская конница.
Плачет ива горестно у озерных вод,
В селах покоренных низко верба клонится...

1

Кто слышал, как в степях, за Доном,
Трубы плакали на ранней заре,
Как, забыв бывшее суровство,
В ночь бежало ордынское войско,
По яругам степным, по склонам,
Где закат в снегах, в серебре?
Темник ханской орды Мамай
О Батыевых днях преданья
Собирал и мечтал о том,
Чтобы снова на русский край,
В даль, где сумрачно звезд мерцанье,
Повести всю свою орду.
Стариков он пытал, спрашивал:

— Как с полками Батыева нашего
Наши деды, забыв беду,
Уходили на Русь в далеком,
Отзвеневшем степном году?
Как телеги скрипели под Киевом,
Где рыдал колокольный звон?
Как Владимир на Клязьме,
Тихий город в лесах,

Покорялся ордам Батыевым,
Отдавался, плача, в полон?

Долго ль грабили церкви чужие,
Брали злато по монастырям
И скакали те кони Батя
По чужим, заповедным полям?

2

Многоглава Орда Золотая.
Старый город стоит на песках.
Вьется дым на обрывах и скалах.
Тянет солью с озер солончатых.
И полынь и козыльная роспись
На его поливных кирпичах.
Летом в банях жара, духота,
Разговоры наездников старых,
И спросонья томит пестрота
В горький зной на богатых базарах.

Из Хорезма — ковры,
Из Китая — шелка,
Кость слоновья —
С индийского склона...
И не сразу заметишь
Московскую рожь
И косматый овес из-за Дона...

Снова сердце тоскою щемилось.
Во дворце восклицает Мамай:

— От Аллаха ль такая немилость?
Вдруг тоска подойдет невзначай.
Или старому сердцу не надо
Слушать всадников злых похвальбу,
И мечтать о сыртах, где прохлада,
Где Батый спит в кирпичном гробу,
О походах былых Чингиз-хана,
Угрожавшего Индии?..

Ночь

На пески опустилась неожиданно,
И Мамай истомился, не зная,
Чем старинному горю помочь.

Он сидел во дворце за полночь.

В клочьях редкая борода
Сединой, как солью, посыпана,
(Все в тревогах злых неусыпно
Проходили его года.)

Хоть теперь стал он ханом под старость,
Не узнает, как ни зови,
Молодого конника ярость
В оскудевшей своей крови.

3

Как его избирали ханом,
Вспоминал в эту ночь Мамай...
Из зеленой болгарской кожи
Пояс он надевал тогда,
Серьги в ухе на звезды похожи.

Золотые, как в ночь Орда,
А кафтан его шелковый новый,
Во цветах его сапоги,
Страшен голос его суровый,
Величавы его шаги.
А глаза его черные, впалые,
Шрам глубокий наискось тянется
К оттопыренным шапкой ушам;
Все лицо его в мелких морщинах,
В пятнах пота, с седой бородой,
Словно облик ханов старинных,
Засиявший вновь над Ордой.

Подымали на белый войлок,
Вкруг шатра пронесли его
Пятьдесят стариков, достойных
Править ханское торжество.
На престол его посадили,
Дали меч ему золотой,
Пояса свои распустили,
Сняли шапки, к земле сухой,
Преклонивши колени, припали,—
Луки бросили, копья мечут,
О давнишних поют боях,
Подарили северный жемчуг,
Что хранит от грозы в степях.

4

Вспомнил юность Мамай.
На просторе —
Черный берег узорной реки,

Камыши, и Хвалынское море,
И заря, и седые пески,
И своим осторожным евпатам
Так сказал он на пире богатом:

— Где старый вождь? Где грозный Чингиз-хан?
Где ныне города им покоренных стран?
О нем кто скажет нам? В песках белеют кости.
Занает сердце вдруг — то боль старинных ран,

Чтоб Чингиз-хан бежал, я не zapomню случая,
Скакали воины, на длинных пиках крющья,
Чтоб воинов чужих могли стащить с седла,
Летела жизнь, как в ночь летит стрела певущая.

Грозил он смертью всем, а сам был ликом светел,
Достоин смерти тот, кто воду льет на пепел,
Чтоб потушить костер, и он его казнил,
Раздуть костер в ночи поможет хану ветер.

Я в молодости знал немало злых потерь,—
До старости моей томился, но теперь
Пришла моя пора: пойду на Русь войною,
На города ее — Москву, Владимир, Тверь...

Немало дней пройдет — баран мохнатым станет,
В тот месяц желтизна в кудрях овса проглянет,
И под копытами моих лихих коней
Вскипит вода, трава в дыму завянет.

Долго ждал я, подкралася старость,
Как Батый, разорю ныне Русь,

Как железо, кипящее в полночь,
Над ее городами прольюсь.

Будет дождь над Москвою падать,—
То не дождь, а стрелы мои,
Все равно мне — дань или подать,—
Онемеют в лесах соловьи.

Холоднее московского снега,
В черном пепле, как тень при луне,
Я над Суздальской Русью с разбега
Проскачу на лихом скакуне.

- 5

Говорили ему воеводы:
— Оскудела твоя Орда,
Много есть у тебя богатства,
Но скудеет сила твоя.
Чтоб нанять чужие народы,
Мы в чужие пойдем края.

На скамейке лежит секира,
Грозным кликом зовут коня,
Скачут всадники склоном мира,
Догорающим краем дня.
Ты ль, Мамай, глаза свои щуришь,
С городов собирая дань?

Скачет всадник один на Сурож,
А другой на Тьмуторакань..

К горным ясам,
К харасским туркам,
К половецким лютым князьям,—
Словно копы по черным буркам,
Там бегут ручьи по горам.

6

Среди пленных русских воинов
Слыл один в Орде Золотой.
Из лесов отдаленных хвойных
Был привезен он в край чужой.

Грудь широкая, словно колокол,
Богатырские плечи сильны,
Взор светлей, чем у ясного сокола...
Он грустит средь чужой тишины.

Во лесах, за пустынной ракитою,
Где горят на закате снега,
Прозывался он прежде Никитою.

Там в траве, в камышах берега.
Там изба на старинном погосте,—
Стародавний, охотничий край,
В мокрой глине отцовские кости,
По болотам растет молочай.

В той избе его малые дети,
Долго ждет горожанка жена,

И пылают костры на рассвете,
Путь на Русь освещает луна.

Вот его призывают к Мамаю.
Душно. Крадется где-то гроза.

— Я тревогу твою понимаю,—
Хан промолвил, прищулив глаза,—
Хочешь воли?

Грохочут копыта
На закате за ханским дворцом.
Долго смотрит Мамай на Никиту
И трясет желтоватым лицом.
— Ты, я знаю, был ратник бывалый
И на запад когда-то ходил.
Вольным полем, как тропочкой малой,
Своевольное войско водил.

Хочешь воли?

В посольство с мирзами
Я в харасские турки пошлю,
Дам начальство тебе над полками,
Всех врагов твоих нынче сгублю.

Стань мирзой моим...

Смотрит Никита
На всесильного хана — и вдруг
Вспомнил лес отдаленный... Ракиты...
Весь ромашками усталанный луг...

— Я бовек твоим слугой не стану,—
 Говорит Никита.— Погляди:
 Лунный свет, как будто на поляну,
 Вдруг на степь ложится впереди.

Далека та лунная дорога,
 Край ее в моих родных лесах...

Смотрит хан задумчиво и строго,
 Темный гнев застыл в его зрачках.

— Коль не так,— промолвил хан сердито,—
 Ты пощады вовсе не проси.
 Много мной гордыни перебито
 В городах раздольных на Руси.

Смерть тебе я приготовил...

Утром

В степь скакал прославленный мирза.
 По холмам разбросанным и утлым
 Все еще собиралась гроза.

Знал Никита: казни нет страшнее,
 Чем ему назначенная тут.
 Сабля вдруг скользнет, свистя, по шее,
 И кнутами спину перебьют.

— Ты не хотел в богатстве жить и славе,
 Ну что ж, с тобою спорить я не в праве,—
 Сказал мирза,— но не сердись на нас:
 Милее смерть в улыбчатой оправе.

Рассмейся ж ты; все то, чем согрешил,
Аллах всесильный, может быть, забыл,
Но страшно, если будешь ты наказан:
Ужасен блеск его раскрытых крыл.

И я тебе завидую: давно
Есть зависть к тем, которым суждено
Передо мной вступить в ту область мира,
Где нету троп и где всегда темно...

Молчит Никита. Смертной муки день
Приблизился и долу тени клонит,
И стража вновь коней усталых гонит,
И все длинней в песках сыпучих тень...

В степях туманы — всех кочевий дым.
Разлились в полночь огненные реки.
«О Русь моя, в каком далеком веке
Про смерть мою расскажет побратим?»

Привязанный к хвосту коня, он слышит
Гортанный крик...

Зеленые круги

Уже плывут к нему...

В последний раз он дышит.

В глазах темно...

Наплыв кровавой мги.

И хлынул ливень...

Душный, горький запах.

Далекий шум. Последний жизни знак.

Иль то индийский зверь бежит на тонких лапах?

Иль молния опять летит в последний мрак?

Замедли бег... Но нет ему возврата!
Переблести... Но снова даль темна!
Перегреми... И вдруг пожар заката
Ударил в очи... Берег...
Тишина...
Как он спасен? Иль просто конь мохнатый.
Упав в траву, зубами землю грыз
И сдох в степи? Иль черный зверь крылатый
Когти коня, стрелой слетевши вниз?
Иль то гроза прошла? Иль издали
К нему скакали конники тогда?
Друзей он кличет. Тлеет синий вечер.
Зовет на Русь зеленая звезда.

8

В ту же полночь скакал Никита
В край родимых больших лесов.
По кочевьям трава прибита.
Темен след сорока ветров.

А вдали, в духоте Сарая,
Замышляет Мамай поход.

Свищут стрелы чужого края
У истока Великих Вод.

И, как дикий зверь,
Сыроядец,
Собирает Орду Мамай,
Чтобы в черную ночь ударить
На заветный на русский край.

Где пройдут по селам телеги —
Будут горбиться пустыри,
В черных пятнах на ржавом снеге
Вся холодная кровь зари.

Русь великая, разве ныне
Замерзают твои моря?
Словно пламя на дикой льдине
Грозовая судьба твоя.

Отзовися, подай мне голос,
О заветных напомни снах...

9

...А в снегах притаилась в
Во дремучих родных лесах.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

От Рязани подлесной старики-залешане
Волокли по болотам обгорелые сани

На погост потаенный, на князь-острово-поле,
Где и солнце тоскует словно в дикой неволе,

Где в проплешинах черных, вдоль скрипучего наста,
По весне трубный клик рассыпается часто,

Где на займищах старых, и речных, и озерных,
Днем качаются тени облаков необзорных,

Где над рощистью черной и над роскошью гарной
Подымается ответ, голубой и янтарный,

Где звенят родники по лесным заволочьям,
Где всем правиться свадьбам — и медвежьим, и волчьим

По болотам заброшенным там прошли залешане.
А над ними три солнца задылали в тумане:

В небесах — заревое, голубое — над лесом,
Цвета знамени княжьего — над пустынным навесом.

А за солнцем за горестным скачет всадник в тумане.
— Ты откуда, странничек? — говорят залешане.

— Я из плена татарского мчусь травой-приворотником,
Прозывался Никитю, слыл медвежьим охотником.

Был я воином княжьим, — мы с ордой многоглавою
И с другой многояростной воевали со славою.

И теперь, после плена, только деток проведу,
Поскачу со товарищи я в Москву за победою.

Скачут сотни гонцов ныне в даль предрассветную, —
На Москву собирается вражья сила несметная...

В глубь родимых лесов скачет он с залешанами,
Мхи встречают черникою и грибами румянными.

А селенья таятся у пустынных раkitок.
Дань от плуга возложена на сто сел позабытых,

И названья отцовские вспоминаются с грустью
По-над славной Московской, по-над Суздальскэй Русью.

Там Балясково поле — вод источники мнози —
Желтизной отливает на последнем морозе.

На Березовом острове пляшут свейские гости,
А орлы над уберечьем призывают на кости,

И Москва поднесла мед из рога из турьего
Городам именитым, от Мосальска до Юрьева.

О Москве вспоминают старики залешане,
За сунетами черными провалилися сани.

Словно зори занялися грозовые, нездешние,
Дни весенние, ранние, голубые, утешные.

И над черной проталиной льется песня, колышется.
Голос родины радостный в ней Никите вдруг слышится

2

Весною водят хоровод,
Поют на зорях у ворот,

Цветет шелковья трава,
Кричат в лесах тетерева,

Шумит орешенье в саду,
Летят грачи на лебеду,

Лов начинается в лесу
На чернобурую лису.

И вѣт тогда от звездных полчищ,
Струящих пламя сквозь туман,
В простор украинный старых помчищ
Уходят лодки залешан.

Никита в край лесов дремучих
Спешит. Как в юности, грустят
Там кречеты на черных сучьях,
Костры высокие горят.

Как будто лес в огне в тот вечер.
Грустит Никита. Бьют ключи.
Со стоном облетает кречет
Соколы сядьбища в ночи.

Помытчик свистом птицу вабит,
Трубит в отцовский старый оог,
И не понять: то голос бабий
Иль турий присвист вдоль дорог.

Летит белоголовый кречет
На злое вабленье, на зов,
Помытчик пойманного метит
И кормит в ночь из рукавов,

Чтоб после, в княжеской охоте,
В утешном звоне красных дней,
Следить, как ринется в полете
На стаю белых лебедей.

3

Вот родимый погост. Дорога
Убегает во мхи, на юг.
Три сосны на ветру у лога.
Весь в ромашках широкий луг.

Пенье жаворонка простое.
Переборчатый лад остер...
Только где же село родное?
В белом дыме сосновый бор.

Там, где смолоду в день Успеньев
Голубая цвела звезда,
Пробивается злой репейник,
По ступеням бежит вода.

Обгорелые бревна — ребра
Перебитые старых изб,—
Про ордынский набег недобрый
Молодецкий напомнил свист.

Вышел дряхлый старик навстречу.
Говорит он, глядя в упор:
— По всему по тому Заречью
Догорел в поздний зимний вечер
Разведенный ордой костер.

Иль ты доли своей не ведал,
Как в недавней лютой набег
Грудь жене злым копьем пробили,
Как отца твоего убили,
Дети малые падали следом
И лицом зарывались в снег?

Слышит слово его Никита.
— Где же матушка? — Слышал я,
Будто в тот набег не убига,—
От ордынских сабель сокрыта,
Во другие ушла края.

Будто там, по краям Залесским,
Днем и ночью ходит она.
Я узнал бы о том, да не с кем
Мне за нею пойти...

Луна

Над пожарищем черным дома,
Словно видит Никита сон.
Вечно в сердце живет истома,
Малых деток последний стон.

Войска русского верный ратник,
Он покинул лесную тишь,
Где на ветках колдует иней,
Где заря — словно хвост павлчий,
По болотам шуршит камыш.
Круторобрый, в плечах широкий,
С поволокой в светлых глазах,
Знал Никита: близятся сроки
Отомстить за убитых в лесах.

Вот гремят по рассветным водам
Клики трубные лебедей:
Это голос безвестный подан,
Грозно знаменье новых дней.

За кремлевской оградой новой
О грядущем поют торжестве,
Смолью пахнет настой сосновый.
Дмитрий-князь — богатырь суровый —
Рать скликает в родной Москве.

Разве будет вовек забыто
Поруганье детей и жен?
Скачет лесом в Москву Никита,
И по селам плывет сердито
Голубой заозерный звон.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1

Князь Олег Рязанский издалека
Дожидался в этот год вестей.
Не мигая, зорко смотрит око
На просторы вспаханных полей.

В черном сердце старый дух усобиц.
Не страшат ни мор его, ни гнус.
Святополку злomu уподобясь,
Призывает врагов на Русь.

— Не хочу под новую указку
Под князя московские пойти... —
Ум его, приученный к лукавству,
Ищет лишь окольные пути.

Как земля просохнет в новолунье,
Как со звонниц расплывется звон,
В красной шапке, в новой шубе куньей,
На охоту выезжает он.

Стремя звякнет, и резвятся около,
Спины выгнув, злые псы, дики.

Князь Олег пускает, горбясь, сокола
От колодцев старых у реки.

Той охотой на лугах котешных
Князь Олег, как серый волк, не сыт,—
О годах пролетных, скоротечных
По ночам, умаявшись, скорбит.

С Дмитрием Московским водит дружбу,
Рог подносит с медом на пирах.
Братом называет, харалужный
Меч дарит во княжеских шатрах.

Смотрит зорко мутными глазами,
Дмитрия не любит хан-старик.
Вот теперь бы заиметь в Рязани
Тот великокняжеский ярлык.

Что ж, Москву отдать теперь Ягайле,
На разор великий и полон,
И, с Мамаем сговорившись втайне,
Повести дружинников за Дон.

Грабсгу он шлет тогда Мамаю,
И скрипит телега поутру.
Пыль в песках заволжских подымая,
Словно лебедь плачет на ветру.

«Дмитрию во веки не спобюю
Пусть не мед, а смерть из рога пьет...»

Снова вражью силу и недолю
Он на землю русскую зовет.

Где ловцы бредут за лисьим нарыском,
Сотворит баскак неправый суд.
Жгут костры на стойбище дикарском,
Смерть на пиках яростных несут.

2

Через землю Рязанскую нет ни пути, ни дороги в
Москву.
Князем Олегом заставы разосланы в дальнее поле.
Конников, мчавшихся к Дмитрию, ныне томили в
неволе.
Много, стрелою сраженных, их падало в полночь в траву.
Скачет Никита, нахмуясь; цветет синий русский
простор...
Сколько еще скачет вместе с ним преданных вольности,
С Волока Ламского, с Хлыновских дальних озер,
Едут они — от Залесья и с Гуслицы-волости.
Русь моя! Ныне поднялись твои города.
Дмитрий народное воцарство ныне скликает.
Скоро уж золотом черным в заволжских пелках
отблистают.
Желтым костром отгорит на заре Золотая Орда

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

В дворце великокняжеском, на ветру,
Там, где по лесенкам двери в терем,
Зори особенные ввечеру:
Узор византийский с крылатым зверем.

Стены расписаны палатным письмом:
Солнце косматое, луна со звездами.
А в гриднях, обитых седым бобром,
Журавль прирученный машет крылами.

В окне — вся Москва от Кремля до Посада,
От Заречья до Загородья, — вдалеке
Зацветают липы отцовского сада,
Ладья осторожно плывет по реке.

Пир начинается с вестей недобрых.
Дмитрий задумался. (Шум на дворе.)
Рядом с братом Владимиром — воевода Боброк,
Женатый на Анне, княжьей сестре.

Еще невдомек княжья грусть боярам.
Свечи из красного воска горят,

Ухи с шафранным густым наваром
Во гридню внесли целый ушат.

Икра белой рыбницы, кадка с квасом
Присол стерляжий стоят на столе.
А трубы трубят похоронным гласом,
И вовсе не видно огней во мгле.

Подымается князь. Молчат воеводы.
Брат на великого князя глядит.
Широкоплечий, чернобородый,
Дмитрий Иванович говорит:

— Вострубимте, братия, в трубы печали,
Об отрочестве вспомните моем...
Меня на княжество в сиротстве венчали
И в ратных походах вскормили копьем.

В те годы вороги на скрипучих телегах
Прошли по Руси с огнем и мечом.
Спасибо, бояре,— в ратных набегах
Меня вы учили носить шелом,

Ходить за конями, скакать в стороже,
Хоть грамоте я понимать не учен,
Но сызмальства жизнь под сенью прожил
Неопалимых ратных знамен.

Кремль Московский стеной дубовой
Обнес мой дед Иван Калита,
Великих княжений закон суровый
Поставленный бысть во его лета.

А ныне Олег — лютый изменник —
Ягаило на помощь себе зовет,
Он соболей, самоцветных каменьев
Немало ордынскому хану шлет.

Мало ль терпели от бед половецких,
Томились под войском вражеским злым?
От сел, пожженных в тех перелесках,
Еще доньше тянется дым!

Мы рождены не в обиду черную.
О, красно украшенный русский край!
Ни соколу, ни ястребу, ни черному ворону
Ни тебе, пес поганый, Мамай,

Каменных стен кремлевских не сдвинуть,
Крепко стоим на той полосе,
За русскую землю, — коль смерти не минушь, —
Положим без страху мы души все.

Когда-то служил мне верой и правдой
Воин Никита, — попал он в орду,
Но из плена бежал, в лесах за Непрядво!
Был со сторожей в этом году.

Он языка из стелей задонских
Ныне привез нам.

Бояре молчат.

Воин дверь открывает с поклоном,

Щиты громыхают.

Копья стучат.

Князь сел за стол, облокотясь,
 Никита молча в грудь входит.
 Глазами сумрачными князь
 Своих дружинников обводит.

— Давно ты здесь?

— Я из степей

Двенадцать дней скакал, не мешкал,—
 Быстрее дятла лебедей
 Была моих коней побежка.

Минуя Быструю Сосну,
 Я прискакал к степям придонским,—
 Польную пахнет на Дону
 И нестерпимым паром конским.

Шумит Мамаева орда,
 По всем степям скрипят телеги,
 Как в стародавние года,
 Во том Батыевом набеге.

Оттоль примчали языка,
 Как позелел ты нам, о княже,—
 И молча знак он подал страже,
 А пленный ждет у косяка.

Круглоголовый, безбородый,
 Кафтаном порванным шурша,
 Весть о Мамаевом походе
 Поведал пленник, не спеша.

Что близок ныне день набега,
В Одоеве Ягайло ждет,
И вновь изменника Олега
Ордынский хан к себе зовет.

А войска столько — не пробиться
Сквозь тучи соколу за Дон,—
Из Дону русским не напиться,
Возек не кончится полон.

И хан Мамай давно поклялся,
Как звезды таяли во мгле,
Пить коней ордынских в Яузе,
Кочевье праздновать в Кремле.

3

Молчат воеводы, и в гридне вдруг стало темно,
Уводят татарина пленного верные други,
Сиянье за окнами, будто бы обведено
Письмом новгородским все звездное небо в округе.

И князь подымается, словно опять в маяте
Услышал он песню, что пели калики слепые,
Когда из-за моря на степи задонские те
Примчались нежданно безвестные орды Батые.

Как в темном приволье, раскинули станы во мгле
И ладили копья, но бой с дикою силой неравен,
Отголе печали, и горестны русской земле
На стенах высоких заплачки ее Ярославен.

Брат Владимир, — сказал он, — я кланяюсь низко гсбе,
 Ты не жили с тобой, как другие князья, обособясь, —
 знаю, дружество наше даровано было судьбе,
 тобы не было больше по русскому краю усобиц.

Как узнал о беде — я послал за тобою в Боровск,
 На рассвете опять разослал по дорогам сторожи,
 Двух мужей снаряжает мне Троицкий тихий погост,
 И сто тысяч друзей к нам спешат от лесных
 раздорожий.

Лотни русских полков испытать нашу долю мечом
 Поведу на заре, — сам возьму я тот меч харалужный,
 Ито поднес мне изменник Олег, в черном сердце своем
 Югань злобной измены прикрывший негаданно
 дружбой.

И настал грозный день. Из Кремля уходили полки.
 Тыл за княжеским знаменем стук кверху взнесенных
 сулиц.

Красный отблеск червленых щитов за мостом у реки,
 Золоченые копья над ширью прославленных улиц.

Прямо к Дону великому, — там притаился Мамай,
 Там, в придонских степях, рати тешатся ворогов
 черных, —

Русь выходит в поход, и застыл над обрывами край
 бесконечных лесов, и озер, и полей необзорных...

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1

Где спяг придорожные травы
Над черным курганом в ночи,
Где яростен топот погони,
Где скачут мохнатые кони,—
Там трубят походные трубы
И бьют по оврагам ключи.

И в степи придонские снова,
Как в злой половецкий набег,
Бегут по долинам дороги,
И слышится песня тревоги
И в медленном топоте конском,
И в горестном скрипе телег.

И скачет по полю Никита...
Заря на червленом щите,
И пламя на шлеме лиловом,
Улыбка на лице суровом,
Как будто безвестные звезды
Он видит в родной высоте.

Далеко лесное селенье,
Украшенный мхами погост,
Где летом интарные блески,
Брызги росы на березке,
А зимами горбятся долго
Снега в человеческий рост.

«Где матушка? Слышишь ли сына?
Бредешь ли все той же тропой
В лесах неизведанных этих,
Грустя о загубленных детях?
Иль, сбита копытом Мамаю,
Лежишь на дороге глухой?»

Он едет к великому Дону.
Грустят на закате леса.
Пролетные галки судачат,
А конники по полю скачут,—

Он видел в тот вечер дружину
И слышал князей голоса.

2

Кончался лес. Глухое ржанье.
Тянуло гарью от реки.
В степь уводили сурожане
Большие русские полки.

А степь встречала птичьим сбродом,
Передвещающим беду.—
Уже Мамай Гусиным Бродом
Вел стоязыкую Орду.

Одной разлукой пахнут травы...
В степях придонских переправы
Он хочет вновь загородить..

Из Дона ворогу не пить
И веслами не запрудить
Теченье медленное Дона.

И снова скачет князь вдоль склона
К обрывам черным над рекой,
Где тихий сумрак и покой.

К ночи свершилась переправа.
Там, где дремучая дубрава
На ста заброшенных холмах,
Где спят бобры на берегах,—
Стан русских.

— Где мы? — князь спросил.

— На Куликовом поле.— Ныне
Болтают галки у осин,
Ревет медведь в тоске-трясине.

За крутояром Красный Холм.
Поставлен там шатер Мамаю,
И стража прячется чужая
В овраге темном и глухом.

Настала ночь. А невозвратным
Закатом отплавший день
Еще струил над полем ратным
Зеленопламенную тень.

Месяц за Доном —
 Синий кувшинец.
 Звезд молоко течет на заре.
 Тезка князя — Боброк Волянец,
 Женатый на Анне, княжьей сестре, —

Скачет по полю с князем рядом,
 Меряет поле орлиным взглядом.
 Жизнь свою вспомнил Дмитрий.

В походах

Белоголовый качался вал,
 Век не знавал он, как сладок отдых,
 Сердце навеки броней сковал.

Растут цветы на том крутояре —
 Заячья соль да соколий глаз,
 Травы сохнут в черном угаре,
 Медведи под липами водят пляс.

Еще хмель в кудрях, курчавится волос,
 Но юности вовсе не ведал князь, —
 Громок призывный трубящий голос,
 Словесная сладкогласная вязь.

О Русь,
 Ты знамя судьбы,
 Меч ярости нашей,
 Труба, что будит в опасности спящих,

Озера твои — голубые чаши,
Как сон — города во дремучих чащах,
Тебя славословят тревожным клетком,
Крылья широкие распластав в вышине,
Сто тысяч орлов, на заре летящих.

Какое обличье нам завтра явит,
Когда разойдется копейный звон?
Московскую ль Русь в том бою прославит?
Ордынские ль весла запрудят Дон?

4

Трое врагов у Руси ныне:
На Красном Холме —
Мамаев шатер,
В Одове-городе,
В дымной сини,
К Ягайле литовскому
Утром ранним
Изменник Олег руки простер.

Стар Мамай. В серебро и проседь
Душу его одели года.
Лет прожитых ему не отбросить.
Вспомнилась юность. Поход. Орда.

Смолоду жил он из ханской милости,
И слава манила, как моря шум,
Настала пора, и вовек не вылезти
Из черной коросты печальных дум,

Иль сон — все мечты, и больше не сможет,
Как в юности, снова двануться он
На ратное поле, где вновь тревожит
Мечей харалужных и сабель звон?

5

Туманятся дали. В Одоево-город
Новая весть пришла на заре:
Другой самовластный и злобный ворог —
Ягайло литовский — пирует в шатре.

Чаша трещит в руках могучих,
Русскую брагу льет через край.
Он знаменье спьяну видел на тучах:
Будто в Дону утонул Мамай.

Смеется Ягайло над старым ханом:
— Уж осень желтит по лугам траву.
Коль рушат Мамай на поле бранном —
Обратно коней поверну в Литву.

А если Мамай победит вдруг — дымом,
Как шкурой медвежьей, накрою поля.
Лебеда зашумит в краю нелюдимом,
Где раньше стояли стены Кремля.

В тревоге Олег,
Словно душу скосило
Иль запросто сердце глодает гнус.
Ягайло изменкику молвит:

— Спасибо.

Данью с Мамаем обложим Русь.

У кого денег нет — дитя возьмем,
У кого дитяти нет — возьмем жену,
У кого нет жены — самого в полон
Продадим за море иль на Двину.

Пируют в Одоеве Ягайло с Олегом.

Мамай в одиночестве в шатре своем
Мечтает о славе, о дикой воле.

Пухом с деревьев, как ранним снегом,
Покрылось в ту ночь Куликово поле.

Дмитрий с Бобреском скачут вдвоем.

6

Тишина над русским станом,
Тихо плещется вода.
Пламя вздрогнет и погаснет,
Как падучая звезда.

И опять темно на спусках.
Мучит горестный покой,
Словно тихо дремлет войско
В русском стане за рекой.

А в ордынском стане грохот
В эту ночь на миг не смолк, —
Ветер медленно разлосит
Дикий шум, и клич, и щелк.

То ли торг вдруг с места снялся,
Многолюден и богат?
То ли город это строят?
То ли трубы голоса?

В крутоярье волки воют,
А в несчастной стороне
Черный ворон злобно кличет,
Птицы стонутъ в вышине.

Ворон пляшет на Непрядве,
Гуси дикие плывут,
Плещут лебеди крылами,
Знак неведомый дают.

Боброк спешился и ухом
Приложился вдруг к земле,
Два он голоса услышал,
Пропадающих во мгле.

Там, где желтая зарница
По-над Доном отцвела,
Там ордынская вдовица
Слезы горькие лила.

А другой далекий голос
Шел от русской стороны.
Чье там сердце расколосось
Средь полночной тишины?

Голос девиды печальной,
Как свирель, едва поет...

Это русская девица
Слезы горестные льет.

И промолвил Боброк князю:
— Я повею тебе, о князь,
Эту страшную примету,
Не скрываясь, не таясь...

Зарастет травой дорога,
Где невеста слезы льет.
Хоть победа будет — много
Войска нашего падет.

Князь молчит, молчит и Боброк,
Месяц роком ловит тень...
Что сулит родному краю
Разгорающийся день?

7

А по полю по большому
Ходит женщина с клюкой,
Мать Никиты ищет сына
В русском стане за рекой.

Каждый воин по обличью
Сходен с сыном, и она
Все бредет, грустя, по полю...
Темный берег... Тишина...

И плывут в кострах сторожи,
Пляшет в волнах дикий гусь..
Мать проходит по дороге,
А за ней — в туманах — Русь.

А над ней в сиянье белом
Проплывают облака,
И шумит, вещая бурю,
Дон — великая река.

И стоит вся Русь на поле,
На изменчивых путях:
Волхов страннический, Суздаль
В разноцветных жемчугах,

Серпухов — Москвы сторожа,
Хлынов — ратник молодой,
И Владимир — стольной город,
И Боровск в броне литой.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1

Как на крутояре мгла туманная,
Словно дым, покрыла поле ратное,
Ест глаза та злая мгла росистая,
Даже кони истомились, плачучи.
Трубы трубят, а того не слыхано,
Кони скачут, а того не видано,
Как во тех степях. степях придонских,
Ковыли стоят и не шелохнутся.

2

Как ордынская рать навстречь двинулась,
А щиты у них, словно ночь, темны,
Словно по полю туча движется,
А от копий блеск — точно молния.

3

Начиналося тут побоище —
Теснота в рядах — разойтись нельзя,
Солнце в черной мгле высоко еще,
Вероломна еще в облаках стезя.

Словно дождь в грозу, стрелы клонятся,
Будто молнии, проблещают мечи,
Плачет раненый, скачет конница,
Копья сломаны — налетай-топчи!

И бысть сеча зла. Осень сбросила
В этот горький час с тополей листву,
Те князья, что шли с Бела-озера,
Все легли теперь на ковыль-траву.

А Мамай стоит на холме — глядит,
Как за русскими мирзы гонятся,
Как ордынский стан их к реке теснит,
Пики тренькают — скачет конница.

4

— То наш час приспел, — Боброк вымолвил, —
Встань, засадный полк, в сечу с боргом,
Ветер с севера к нам с любимого
Прилетел сейчас тайным морюком.

Русский путь — вперед! Где же сулица?
Где же сабелька та булатная? —
Он вперед идет, не сутулится,
И Никита с ним...

Поле ратное

В тесноте такой разомкнулось вдруг,
Побежала вспять рать Мамаева,
То приспел наш час — на зеленый луг
Из засады шли, как хозяева.

Сто да сто еще скачет конников,
И Никита вслед до глухой реки
Мчится по полю желтым донником,
По тропе, где шли на заре полки.

В темных волнах там пляшет дикий гусь,
В золотом огне весь заморский край,
О, приспел твой час, наша мати Русь!
Золота заря, в облаках пылай!

Вдруг мирза тогда поскакал к нему.
Он копьем трясет и торопит шаг.
Не видать пути — облака в дыму,
На глухой тропе — стародавний враг.

Стукнув копьями, как сощлись они.
Конь мирзы тогда на колени пал.
Проблестев, сто раз, в облаках огни
Догорели вдруг, вечер злой настал.

Но копьем чужим в этот час пронзен,
И Никита пал на седой ковыль.
Замутился тут сам великий Дон,—
И донцне он помнит эту быль.

Там, где Дон течет, будет век греметь
Слава русская.

На родном Дону
Будут старины в тихих селах петь
Про былой поход, про грозу-войну.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1

Снова даль холодная раскрыта,
Не пройти, не отвести огня.
Бьют по камням конские копыта,
И в степях придонских не забыто,
Как Мамай в ту ночь хлестал коня.

Жизнь прошла, вся (правдой и неправдой)
На чужой приведшая престол,
В тех краях угарных за Непрядвой
На заре боярышник отцвел.

Нет, вовек такого не повторишь,
Войско все легло на ковыле.
Как душна ветров осенних горечь,
Как позорен дальний путь во мгле!..

Вместе с ним мирзы седые молча,
Тоже скачут к Золотой Орде,
Тянется след выморочный волчий
Серебром вечерним по воде.

Степь да степь... А за степями снова
Дым кочевий тлеет по пескам..
Вспомнить ли заученное слово,
Что твердил в набегах Чингиз-хан?

Пятый день по мутному безлюдью,
Вся в костях, бежит тропа одна,
Белая, как прозванные чудью
На Руси озерной племена.

Голодно в пути Мамаю.
Зори.

Он коня в песках остановил.
Вспомнил вновь о тягостном поворе.
Руку он, помедлив, положил
На сплетенье вздувшееся жил.

Верный конь, почуяв ласку, пляшет,
Вдруг заржал,— и сердцу невтерпеж,
И рукой Мамай в тревоге машет,
И коню вонзает в сердце нож.

Кровь нежданно хлынула густая,
Иноходца раненого кровь.
К той смертельной ране припадая,
Сразу губы дрогнули Мамаю,
И в крови седая хана бровь.

Вот он сыт. Сидит на камне. Плачет.
Тлеет дым далекого костра.
Где-то галки глупые судачат.
Ранний снег. Печальная пора.

Он судьбы своей еще не знает,
Там, в заливах, где шумит камыш,
Соль блестит. Там медленно светает,
Там орду скликает Тохтамыш.

Станет ханом. Разобьет Мамай.
Отшумит в погонях милый край.
В Кафе генуэзской умирая,
Вдруг о Руси вспомнит Мамай.

Он бы горло Руси перерезал,
Да могуче воинство ее,
Он пытал ее во мгле железом,
Но сломал о грудь ее копье.

Землю русскую его топтали кони
В черном вихре яростной погони,
Но свершилась верная судьба,
И горят огни костров во мраке,
И бегут из сел чужих баскаки,
Дани нет, и нет в лесах раба.

2

На заре прискакал в Одоево конник.
Еще пировал Ягайло в избе,
Где ставни и окна в белой резьбе...
А пена на белых княжьих ладонях.

Олег истомился в теске. Ему
Поведал о том побойще горесть
Конник безвестный. Узкая прорезь
Над низкими ставнями тлела в дыму.

Ягайло на красной скамье сидит,
Могуча рука в самоцветных каменьях.
Смотрит на Олега.

Со злобой изменник
Теперь на литовского князя глядит.

— Что же, поскачем с тобой в Литву,—
Говорит Олегу, нахмуривши брови.
Теперь, в долутьме, еще суровей
Голос его.— Я тебя зову.

В дружине ныне будешь моей,
Хочешь, пожалуй тебя окольниковим?
Смотри, еще небо желто, как полночью,
И пар клубится на холках коней.

Решай поскорей, уж пора седлать.
Как Дмитрий ударит — не выдержим натиски
Слушает Олег: чаша предательства
Ныне испита. Начинает светать.

Скачут и мнут по лугам траву.
Боятся конников русских, погони.
Сто верст от Одоева отъехали,— кони
Падают замертво. Путь в Литву.

Да будет проклят изменник Олег,
Проловавший Русь врагу злому.
Окаянной душе — копейному лому —
Все будет сниться этот побег.

И пристанища нет на Руси ему.
А в русских селах теперь отрада,
И благодатна русских лесов громада
По суздальскому молодому письму.

3

Ходит полем мать Никиты,
Голос слушает в ночи,—
То вдали над полем боя
Стонут грозные мечи.

Труб призывных слышен голос,
Стяги грозные режут,—
С Куликова поля ныне
Рати русские идут.

Братья милые, отчизны
Сыновья, ее оплот,
Ночь неволи миновала,
Утро славы настает.

Дмитрий-князь вступил в злат стремянь.
Даль родная широка,
По ордынским узорочьям
Скачут русские войска.

Солнце встало над Непрядвой.
Обвеваает ветер их,
Вьются соколы с разлета
От колодцев золотых.

Слава Дмитрия повсюду,
По заморским городам,
И дошла до Византии,
Ко железным воротам.

А во мгле красны дороги
Пышным золотом листвы,
И повсюду трубят славу
Князю смелому Москвы.

1937—1938

ПОВЕСТЬ О КУЛЬЦЕВЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕНИС ДАВЫДОВ ПРОЩАЕТСЯ С МОСКВОЙ

Шли обозы в ту ночь вдоль снегов подмосковных,
Переулки бегут — всем названия нет,
От луны желтый свет на сугробах неровных,
И за окнами тает лазоревый свет.

В полутьме карантин и деревья бульвара,
Вот шлагбаум, вздыхая, поднял инвалид,
Едут в низеньких санках два синих гусара,
И Денис, чуть взлохматив усы, говорит:

— Видно, мне суждено быть смертельно влюбленным,
Все бывшее ушло, примелькалось, как сон,
Только вспомню глаза с тем оттенком зеленым —
И опять навсегда безнадежно влюблен.

Разве можно забыть эти смуглые плечи,
Чуть приглаженный докон, совсем золотой?
Подойдешь, поглядишь, и покажется — нечем
В ту минуту дышать тебе в зале большой.

Горе видеть ее, горе вовсе не видеть
Лебединую шею и грудь с жемчугом,
Кто меня мог еще так надменно обидеть
И улыбкой одной искупить все потом?

Вот пахнуло из труб дотлевающим торфом,
Над Москвой разнесло голубую пыльцу...
А давно ли еще я скакал под Вольфсдорфом —
Опишу как-нибудь тот урок сорванцу...

Ведь ~~за~~ Выборгом снова совсем неспокойно,
На суровых просторах финляндской зимы
Испытанье пришло — приближаются войны,
Те, в которых умрем или состаримся мы.

Собирается снова наш круг знаменитый:
Славный Кульнев, Раевский, Тучков и Барклай.
Наше время пришло! И топчут копыта
Миллионом озер призывающий край.

Там и Багратион... Что другим не по силам,
По-суворовски просто вдруг сделает он,—
Для меня неизменно он будет Ахиллом
В Илиаде уже наступающих войн...

В перемаке огни. И теснятся кареты.
От резных фонарей на снегу пелоса.

Строгий мрамор колонн. Вензеля и портреты.
Старый нольский гремит, и слышны голоса.

Синий выступ окна полукружием вогнут.
И проходят Денис мимо круглых столов,—
Он в широких чикчирах, и ментик расстегнут,
И топорщатся черные стрелки усов.

— ...Что ж, Денис, уж теперь не грусти, не печалься,
И любовь отошла, как недавняя быль,
Ведь с другим она здесь то закружится в вальсе,
То, глаза опустив, начинает кадрили...

— Объяснись!

— Не хочу. Танец мне был обещан!

Мы уедем сейчас...

— Нет, Дениска, постой.

— Почему?

Из-за плеч улыбнувшихся женщин

Вдруг мелькнул ее локон, совсем золотой...

— Лучше жизнь в боях, с фланкировкой, со славой,
Если слову любимой и верить нельзя...

— Что ж, в сугробах есть дом за Тверской заставой—
В этом доме давно ожидают друзья...

Беспокоен приятель.— Печалишься, юноша?

— Нет, совсем не грущу!

— Что же, едем скорей!

Мы в приятельском споре за чашею пунша
Позабудем сейчас о невзгоде твоей...

Вот и дружеский дом выплывает из мрака.
Круг друзей неизменен и праздничен весь.
Из лимонного сока, воды и арака
На широком столе зажигается смесь.

И почти до утра холостая попойка,
Разговор о любви и о близкой войне:
— Что ж, не время ль теперь? Ведь заказана тройка.
 Попрошу иногда вспоминать обо мне...

Знаю, там завоюем отменную славу,
На далеких ботнических злых берегах,
Может, я не убит был под Прейссиш-Эйлау,
Чтоб погибнуть в бою на финляндских снегах.

Кони поданы. Тонко звенит колоколец.
Расставанья пора. Песня. Топот копыт.
Мимо ста флигелей, мимо сельских околиц,
По дороге на Тверь снова тройка летит...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ЛАГЕРЕ КУЛЬНЕВА

Невысокий разъезд у сожженного дома.
Подложивши под голову чье-то седло,
На снегу разостлав, как постелю, солому,
Здесь солдат под сосной засыпал тяжело..

А за мельницей скат, и запруда промерзла,
Почитай, в эту зиму до самого дна,
Осторожно, рядами, составлены в козла
Карабины гусарские..

Песня слышна:

«Свищет пуля — не моргни!
Если в деле — руби смело!
Коль в атаку повели,
Ты коня не удержи!
Смело душу весели!
Есть нужда — так уж умри!»

Что же, это Финляндия! Кульновский лагерь
Ветви сосен...
На дюнах и снег, как песок.

Кто не знает теперь о веселой отваге?
У костров тихий смех и глухой говорок.

Скачет всадник навстречу на злом иноходце.
На дороге — шлагбаум!

Пониже пригнись!

Это Кульнев иль нет?

Вспоминать ли о сходстве?

— Честь имею!

— Ну, что же, здорово, Денис!

— К вам спешил из Москвы, торопился...

— Мы рады!

— Быть хочу в авангарде...

— Я всегда впереди.

— Скоро ль будут бои?

— Время нашей отрады

Недалеко уже. А пока — подожди...

Загляделся Денис. Кульнев тот же, что раньше.
Только больше еще на висках седины.
И на темени — будто чулок великанши,
А не кивер гусарский...

Причуды смешны

Для того, кто понять не сумел бы твой нрав,
Но в чудачестве есть не смешные черты,
Как насмешкою резкой когда-то Суворов,
Так своими причудами славишься ты.

— Нынче сложены песни о строе гусарском,
И кружит на кровавых полях воронье.

Я сюда, в авангард, послан всем государством —
Так послужим России и чести ее.

А пока — отдохнем..

Входят в низкие сенцы.

В доме чисто.

Застолье.

Свеча зажжена.

Золотой петушок на личном полотенце..

— Это — матушкин дар.. Все тоскует она..

Тяжело ей.. Живу, как всегда, Донкишотом,

Ничего у меня — ни кола, ни двора,

Я наследников не потревожу расчетом,

Если пуля сразит.. Лишь одни кивера,

Да любимая шашка, да три доломана,

Да еще за недавний поход ордена..

На кровати ребенок заплакал неожиданно

И ручонками пухлыми машет со сна.

И на цыпочках Кульнев подходит к ребенку,

Распушив бакенбарды, тряхнул головой.

Мальчик — хватать за усы, улыбается.

Звонко,

Аж до слез, с ним хохочет полковник седой.

— Погляди-ка, Денис, на хозяйского сына,

Мой любимец навек..

И смеется опять,

И с улыбкой встречает хозяина-финна,
Разговор его медленный силясь понять.
Финн уносит ребенка...

— Что ж, стало быть, жарко,—

Тихо Кульнев промолвил.—

Болит голова...

У меня для тебя есть старинная чарка,
Расскажи, как сейчас поживает Москва.

...Ночь подходит к концу. Оба спят на соломе.
Вот доносится выстрел из чаши лесной.
Слышен крик осторожный.

И ржанье.

А в доме

Пахнет седлами, солью — и просто войной...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕНЬ БОЯ

Снова лед под ногой. Ветра нет на заливе.
Цепью тянется полк вдоль крутых берегов.
Днем слепило глаза в бесконечном разливе
Широко разметавшихся ярких снегов.

А сейчас уже ночь. Над привалом суровым
Тишина. Чуть доносится топот коней.
И над вражеским лагерем, в дыме багровом,
Переключка и блеск бивуачных огней.

Но потом голоса замолкают. Мельканье
Отдаленных теней. Низко стелется дым.
А гусары, кряхтя, прорубают клинками
Переход для коней над обрывом крутым.

Перешли. И раскинули стан. И заснули.
Не спеша дотлевают костер на снегу.
А солдат одинокий стоит в карауле,
Глаз не сводит с огней на чужом берегу.

Кульнев скачет по льдам. И за ним ординарец —
Молчаливый пермяк Ерофеев Семен...

Сколько прожили рядом, в походах не старясь.
Сколько вместе отбили мортир и знамен!

То, что было давно, не помянут с укором,
Много раз он в боях командира спасал,
В молодые года слыл он ловким фланкером —
И с турецкой войны на щеке полоса.

Пусть под Прагою штык ему грудь исковеркал,
Но зато командира он спас...

По снегам

Молча скажут теперь, повод в повод.

Поверка.

И выводит тропа к бивуачным огням.

Усмехнулся Семен. Значит, снова в разведку,
Прямо в лагерь чужой, не замедливши шаг...
Только треск, если конь вдруг наступит на ветку,
Только смерть, если сразу спохватится враг...

— Что такое, Семен? Почему издалека
Столько мнилось огней, а теперь, погляди,
Кое-где пламя сразу как будто поблекло,
Хоть прищуришь глаза — не видать впереди.

Может, это уловка?

Молчит Ерофеев.

И на самом-то деле никак не понять...
Перелеском глухим, снег пушистый развеять,
Кони к вражьему лагерю скачут опять.

Но никто не окликнул...

Хоть голос...

Хоть окрик...

Хоть бы выстрел шальной...

Ничего...

Тишина...

Молча слезли с коней — перепуганных, мокрых...

И по снегу пошли... На распутьи — сосна,

А за нею — завал...

Снег примятый...

Шалашик

Из сосновых ветвей...

Мертвый конь у костра...

— Эта хитрость, гляди, хоть кого ошарашит,—

Тихо Кульнев сказал.— Чтоб не ждать до утра,

Отошли они в ночь, а костры для обмана

Развели,—

дескать, вот оторвемся от них,—

Удивится, де, Кульнев, на зорьке.

нежданно

Никого не сыскав у завалов пустых...

Но не будем мы ждать... И немедля — в погоню...

Неспокойно, а ветер с полуночи смолк.

Вскоре в лагерь вернулись.

Команда: «По коням!»

Через час на рысях уже тронулся полк,

И в погоне всю ночь...

А поутру по взморью

Вышли к Ботнике.

Древних времен крепостца.

Старый замок в горах весь раскрашен лазорью,
И обрыв надо льдом — три гранитных кольца.

И драгуны врага рассыпаются быстро.
Нарезные мортиры в снегу.

Трубачи

Проиграли атаку.

Внимание!

Выстрел...

Шашку в руки...

Руби, налетай и топчи...

...Кульнев был впереди.

Так, не выпустив трубки

Изо рта,

и в любимом цветном колпаке,

Молча врезался он в то беспмятство рубки
С верной шашкой

в занесенной кверху руке.

И его окружают немедля.

С размаху

Отбивается он.

Рядом пика свистит.

Слышен голос родной.

Промелькнула папаха,

И галопом Семен на подмогу летит.

Снег в крови.

Раздорожье.

И с яростью дикой

Двое скачут на них, — но с коней кувырком —

Одного Ерофеев сбил острою пикой,
А другого — сам Кульнев морозным клинком.

День кончался.

Дымилися дальние горы.

Спешась, вел Ерофеев коня в поводу.
По снегам на закат проскакали фланкеры.
Вражьи кони без всадников ржали на льду.

Кульнев встал над обрывом. Запомнил Давыдов
Навсегда этот час — после встречи в бою,
Как там Кульнев стоял и, волненья не выдав,
Чистил ельником верную шашку свою.

Хоть Давыдов еще этой схваткою бредил,
Кульнев слова не молвил, курил и молчал,
Не хотел вспоминать о минувшей победе,—
Потому что он завтрашним боем дышал...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НА БАЛУ В АБО, ДАННОМ БАГРАТИОНОМ ЖИТЕЛЯМ ГОРОДА

Ранним утром пришло предписание штаба.
Кульнев сразу проснулся.

— В дорогу, Семен!

Целый день на рысях.

Вот подъехали к Або.

Замок древний в горах, и в снегу бастион.

А внизу, за фиордом, на снежном просторе
Солнце в желтом дыму, словно пламя костра,
И гранитная цепь — все замерзшее море,
Где когда-то ходили гальоты Петра.

Кульнев шурился. Кони бежали по склону.
Ветер гнал облака в догорающий день,
И какая-то птица, летя к бастиону,
Оставляла над полем косматую тень.

Вечерело уже. Тихим, медленным звоном
Встретил город. А Кульнев мечтал о другом:
Сколько лет отошло! Вместе с Багратионом
Вновь придется сегодня грустить о былом.

«Ты, наш славный отец, Александр Васильич,
Граф Суворов — в гробу... успокоился... спишь...
Вспомнишь вот о тебе и слезы не осилишь,—
Как живой, посейчас пред глазами стоишь...

Хоть мы были немолоды, звал ты нас:

«Дети»,

Приучал ты нас исподволь к свисту свинца,
Ни в едином из пройденных десятилетий
Мы в кровавых боях не срамили отца.

Он растрогался. Трудные слезы мужские
По седым бакенбардам текли.

Иногда

Есть такие часы и минуты такие,
Что в мгновение охватишь былые года...

Спрыгнул в снег. Ерофеев снял с Кульнева бурку.
Чисто вычищен старый парадный мундир.
В белом доме — огни. Модный танец — мазурку
Музыканты ведут на особый манир.

В этом доме он встретится с Багратионом,
Здесь, быть может, узнает про новый приказ.
Входит в праздничный зал со спокойным поклоном...
Старый финн у окна продолжает рассказ,

Заглушаемый танцами, говором, скрипкой...
А рассказчик слегка обернулся, и вот
Вдруг навстречу пошел, и встречает улыбкой,
И широкую руку он Кульневу жмет.

И немедля по залу разносится: «Кульнев!»
И не кончен мазурки последний прыжок,—
Всюду слышится шум раздвигаемых стульев,
Все к нему собираются в тесный кружок.

Руки жмут ему все. Благодарственным словом
Горожанин седой начинал свою речь:
— Будем помнить всегда, что в походе суровом
Вы учили солдат наши села беречь.

Что вы всем показали пример благородства,
Что от вас население не знало обид...
Темноглазый, в мундире, украшенном просто,
Крепко сжавши темляк, в зале Кульнев стоит.

Он чуть сгорбился. Дальше шагнул. С генералом
Повстречался в дверях.

Старой дружбы слова.

Вместе с Багратионом прошелся по залам.
Разговор с пустяков начинался сперва.

В темной комнате сели за низенький столик.
Отпустив адъютантов, остались вдвоем.
— Близок новый поход, и расскажет историк
Всем о подвигах ваших в ряду боевом.

Вздрыгнул Кульнев.

Немедля разостлана карта.

— В топографии смолоду слыл мастаком...—

Он промолвил, прищурясь.

А крылья штандарта

Отмечали завещанный путь надо льдом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОВЫЙ ПОХОД

Встал большой бивуак вдоль почтовой дороги.
Рядом изгородь, мельницы старой крыло.
Старый конь подымает с опаскою ноги —
Оступиться чуть-чуть, и в сугроб занесло.

Предвесенней порой на пустынных Аландах
Энгельсбрехтен разбит. Сотни финнов в плену.
На уступах крутых, на снегах безотрадных —
Уже близится срок — и закончим войну...

Стынет пена валов между черных утесов.
На снегу полыньи.

Там, где льдов полоса,
Скоро лайбы скользнут, и руками матросов
Будут косо наклонены вниз паруса.

Значит, надо спешить. Надо по льду залива
До распутицы к дальним пройти берегам,
К той последней меже, где за краем обрыва
По дороге крутой — за скалой Гриссельсгам.

Под высокой сосною Давыдов и Кульнев
Щи хлебали, смеясь, из большого котла,
Шень — подобьем стола,

два седла — вместо стульев,

И на ложе из ельничка

ночка тепла.

Разговор задушевный.

— А грустно мне что-то,—

Гихо Кульнев сказал.— Перед боем, гляди,
Не могу я заснуть.

Если ж полудремота

Вдруг смежает глаза, то одно впереди
Предо мною тогда возникает из мрака:
Давний год и старинных походов пора,
И Суворов сидит на краю бивуака,
Молча, рядом, стою у большого костра.
И все слушаю.

Как он бывал разговорчив.

Блеск немного запавших, прищуренных глаз.
Взмах короткой руки.

До окончания ночи

О войне, о турецком походе рассказ.

А потом замолчит, улыбнется нежданно
И сотрет рукавом белый иней с клинков,
Спросит вдруг невзначай:

«Ты читал Оссиана?»

Перевел его славно гуляка Костров!..»

Ты ответишь

и вдруг замечаешь:

угрюмо

Он глядит, будто слова не молвил с тобой,
Сразу чувствуешь ты, что гнетет его дума.
Исполнение мечты? Или завтрашний бой?

Так сидит он, задумчивый, грустный, как рекрут,
Вдруг прищурится, скажет, смеясь: «Никанор!»
Встанет рядом с тобой, прокричит «кукареку»,—
Значит, найден на завтра отменный маневр.

Так и я перед боем то всел, то грустен,
Дай подумать теперь. Трубка вот — затянись...
Я ж проверю посты. А не то вдруг пропустим
Мы разведку врага...

Засыпает Денис...

... Первый час пополуночи. Холодно. В зыбкой,
Уплывающей тьме лунный след серебром.
— Просыпайся, Денис! — молвил Кульнев с
улыбкой.—

Карабин заряди. Через час мы идем...

Полк построился. Кульнев скакал пред рядами.
— Дня победы я ждал — и приблизился он!
В том последнем бою буду я перед вами,
А за вами сам доблестный Багратион.

Путь на море тяжел. Словно как на пожарище
Станет вам на ветру, прямо слово — жара!
Чсть бессмертная нам! Мы домчимся, товарищи,
Опрокинем врага мы с разбегу.. Ура!

Растянулись колонной по белой равнине.
Кто-то песню заводит.— Отставить! Вперед!

Верный конь проскакал по рассеченной льдине,
Сразу с грохотом в прорубь обрушился лед.

До рассвета шли медленно. Кое-где наледь.
Конь копытом скребет ледяную кору.
— Эх, скорее бы к вражьему стану причалить!
В самом деле жара на холодном ветру..

Ранним утром уже зачернели утесы.
Скользкий берег уступом сбегал к вышине.
Расходился туман, и сквозь сумрак белесый
Ерофеев скакал на усталом коне.

И за ним по снегам, рассыпаясь лавой,
Скачут все эскадроны под вражий огонь.
Кульнев крикнул: — Прорвемся на берег со славой! —
И под пулями пляшет обстрелянный конь.

Загремело «ура!» по рядам молодецким,
И донесся со льда чей-то горестный крик,
И пикеты врага перед берегом шведским
Разбегались под быстрыми взлетами пик.

В свисте ветра неожиданно послышался выстрел.
Ерофеев упал... только шашка блеснит..
Неужели убит? Подымается быстро
Из-под грозно мелькающих конских копыт.

Он поднялся в простреленной старой шинели.
Он, в снегу увязая, идет по скале.
Верный конь подбежал. Повод взяв еле-еле,
Застонав, он подпрыгнул.— и снова в седле.

Снова скачет вперед, в белых клочьях тумана,
Надкусивши свой рыжий прокуренный ус.
Кое-как, на скаку, перевязана рана.
Шашка звякает. Снега скользящего хруст.

И галопом туда! К первым вражьи́м пикетам!
Разве кланяться пулям захочет фланкер?
Рассветало, и сразу же перед рассветом
Казачи показались на выступах гор.

...Ветер с юга. Ломается лед у затона.
Кульнев встал у костра. Белый камень в дыму.
— Приказанье исполнено Багратиона,—
Напиши-ка, Денис, донесенье ему.

— Все?

— Как будто бы все!

— Табаку бы немного...

— Хочешь хмеля? Осталось трубки на три...

— Голова закружится...

А там, где дорога.

Ксе-где уже песню ведут до зари:

«Вот как, братцы, мы ходили
По льду к дальним берегам,
Да как ворога разбили,
Как заняли Гриссельстам».

Ходит Кульнев. Поля ледяные на взломе.
На ресницах то ль иней, то ль просто слеза
Ерофеев лежит у костра на соломе,
Рукавом в полусне закрывая глаза.

— Честь имею... —

скользя, подбегает подлекарь.

— Что с фланкером можм? Будет жить или нет?
Коль не вылечишь...

— Вылечу!

— Станет калека?

— Нет, поправится он...

Через несколько лет,

Вспоминая тот день, эти темные чаши,
Этот отблеск зари, не успевшей дотлеть.
Кульнев думал:

«Исполнилось высшее счастье.

После этих побед не страшусь умереть!

Похвалил бы меня Александр Васильич,
Перед строем обнял бы, приказ объявил.
Помню, он говорил: «Все на свете ослишь,
Если крепко захочешь...»

И я победил...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАССТАВАНИЕ С ДАВИДОВЫМ

Наступила весна. Вскрылся лед на заливе.
Разливаются реки. Тает снег на горах.
Враг еще не сдается в последнем надрыве,
И заставы таятся в дремучих лесах.
Но конец уже близится схватки кровавой.
Сладко плачет труба. День победы настал.
Кульнев — в списке героев, увенчанных славой.
За последний поход — он уже генерал.

Воевали на севере — нынче ж на юге
Неспокойно, и Кульнев отчислен на юг...
— Что ж, не грустно ль, Денис? Будешь помнить о
друге?

Приходи посидеть... Разлучаемся, друг..

Беспокоен Давыдов:

— Неужто разлуку
Мне с тобою теперь суждено перенести?
Все же буду я счастлив: жал Кульневу руку,
Вместе с ним завоевывал славу и честь.

Я влюблен до безумия...

— Что же, приятно,

Позавидовать только могу я тебе.

— Нет, потеряна вовсе она, безвозвратно,
Нет ей места в моей бесприютной судьбе...

— Я на двадцать один год постарше... Ты мальчик,
Позабудешь любовь — прилетишь в Петербург...

— Как, ты сильно любил?

— Только, может быть, жальче

Мне о ней вспоминать, чем тебе, милый друг...

Я за двадцать семь лет все в строю неизменно,
Ни единого дня не бывал в отпуску,
В Петербурге — случайно, как шли мы на смену,
Лишь однажды, проездом, увидел Москву...

Это было давно. Я гусарским майором.
В захолустье попал, в город старых оград.
Там водил эскадрон по пустынным просторам,
В одиночестве жил, обучая солдат...

Скучно в тихой глуши.

Тосковал я без фронта,

Без огня, без опасности.

Только порой

Отводил себе душу, когда вдруг с ремонта
Конь негаданно мне попадался лихой.

Я скакал на нем в степь. Отводил себе душу.
Край там тихий. Повсюду печать старины.
И в усадьбах гаданья ничто не нарушит...
Одnodворцы толкуют все вещие сны...

Время было такое: все празднуют свадьбы.
Балы всюду. Знакомства. Волнение в крови.
Вот однажды под липами старой усадьбы
Повстречался я с ней... Объяснение в любви..

Молчалив я, задумчив, ты знаешь, а с нею
Разговорчивым стал. Все рассказывал ей.
Как мальчишка, бывало, встречая, краснею,
Разлучусь хоть на час — и дышать тяжелей.

Обручились. Готовили свадьбу. Но барский
Погубил меня вздор. Захотела она,
Чтоб я бросил свой полк захоластный гусарский
И в отставку ушел навсегда...

А война?

Честь и слава моя—лишь солдатская жатва.
Никогда не бросать боевую страду
В дни похода дана мной Суворову клятва:
Лишь тогда разлучусь, если мертвый паду...

Если так... Ведь загадано жить мне сурово...
Что же? Кульневу бросить родные полки?
Возвратил я немедля ей данное слово,
Вновь остался один — чуть не запил с тоски.

Может статься, труднее забыть про печаль бы...
Да однажды вдруг почту подносят к столу...
Из депеш узнаю о походе через Альпы.
Что ж, на Альпах отец наш... А я где? В тылу..

Да к чему вспоминать...

Только кликнешь: «Ударьте,

Дети, вместе со мной на врага...» —

почитай,

Все поскачут за ним на рысях в авангарде —
Победить иль погибнуть за отческий край..
На ночь лягу и саблю кладу к изголовью,
И оседланный конь вечно ждет у костра.
На войне ли еще жить былою любовью?
Для меня навсегда отошла та пора...

— Я тебя узнаю, — тут Давыдов промолвил. —
Вот такой, без упрёка, без страха борец,
Снился смолоду нам.. Будешь в сказочной нови,
Как Суворов, святыней для наших сердец...

Нынче время такое. великие войны
Приближаются к нашим родным рубежам.
Если Кульневы есть среди нас — мы спокойны,
Значит, солнце победы завещано нам.

И по-юношески, говоря про разлуку,
Резко дернув плечом и заплакав навзрыд,
Вдруг, нагнувшись, целует он Кульневу руку:
— Это я, как отцу... — тихо он говорит.

— Если б все могли жить так, как ты..

Всё — отчизне,

Ничего для себя, ею — жить, ей — гореть,
Нехватало б тогда и Гомеровою жизни,
Чтоб героев таких в Илиаде воспеть..
Вздрогнув, Кульнев смутился:

— К чему это, право?

И сравненья излишни. Ты проще гляди..
Все в боях сообща вырубали мы славу..

В дверь стучат...

— Это кто? Ерофеев?

Входи.

Входит старый фланкер. Взгляд его озабочен.

— Как вы жили одни? Кто за вами ходил?

— Да скучал без тебя, если молвить короче.

Я на ленте медаль для тебя получил.

Славно ты там скакал да рубил ротозеев,—

А подлекарь-молодчик фланкера сберег.

Только что ты нарядный такой, Ерофеев?

Это что еще тут? Вот ведь... вроде серег.

— Это друг подарил — вроде как покрасивше.

Подарил, говорит, он их мне для красы.

— Нет, не станет красивым те серьги носивший —

Для красы, милый друг, у гусара усы...

А все прочее — попросту молвить — морока.

Честью чист наш солдат... Ну, снимай-ка серьгу.—

И промолвил потом, улыбнувшись широко:

— Не грусти, Ерофеев, я право, не лгу...

А теперь — за работу... Быстрей собирайся...

Уезжаем с тобой — прямо маршем на юг...

Миновала страда зимних выюг Оровайса...

Ну, Дениска, прощай... До свидания, друг...

Он поднялся... Коснулся плечом перекладин

Этой старой избы — перегнивших досок.

Рядом с низким Дениской казался громаден,

Да и в самом-то деле, конечно, высок...

ЭПИЛОГ

СМЕРТЬ КУЛЬНЕВА

Год двенадцатый... Месяц июнь... Неспокойны
Эти дни—перемены и смут времена...
Финский, южный поход—это малые войны,
А теперь наступает большая война.

Враг вступает в Россию. Большим полукругом
Наступая, выходят его корпуса.
Растянулась меж Вислою, Неманом, Бугом
Арьергардных тяжелых боев полоса.

Враг упорно идет к нашей грозной преграде,
И по селам старинным набатов трезвон,
Как не вспомнить Давыдова: об Илиаде
Он когда-то твердил наступающих войн...

«Честь и слава от веку—солдатская жатва».
Над полями сражений в родной стороне
Да свершится Суворову данная клятва
В этой грозной, решающей судьбы войне...

Всех, воспитанных им,—от седых генералов
До седых трубачей, в этот час роковой,

Как в былые года, снова битва скликала,
И они откликались на голос родной.

Кульнев был в арьергарде, с прославленной частью,
Прикрывавшей пути к Петербургу, на Псков...
Он грядущей России отстаивал счастье
В непрерывном труде арьергардных боев.

«Я с полком — тут один. Бой тяжел арьергардный.
До последнего драться, чтоб дать отойти
Главным силам.

Ведь близок тот полдень отрядный,
Когда кончим отход, перережем пути,
И сначала набегом, наездом и поиском
Будем мучить врага,
после — выйдем вперед,

И появится мститель пред вражеским войском —
Защищающий родину русский народ».

...В этот день за Клястицею вражки моотиры
Били с часа того, как всходила заря,
На гнедых жеребцах пронеслись кирасиры,
По болоту французские шли егеря.

Тяжело отходить, и с коня он слезает..
Повод дал Ерофееву.. Тихо идет..
Кто поверит, что Кульнев теперь отступает?
Но получен приказ — неизбежен отход..

Тихо шел по дороге, насупленный, сгорбясь..
«Что же, прямо сказать, ведь не все решено».

Еще выйду с полком я на вражеский корпус
И сомну в грозной рубке войска Удино..»

Бомба падает рядом...—Быстрой разрывайся,—
Он сказал, отходя с Ерофеевым.—Вот,
Видишь, старый фланкер, потрудней Оровайса
Это дело—ну, прямо без устали жмет...

Он прищурясь смотрел... О, родная картина:
Волчья ягода в мшаннике топком растет,
Впоеди, за обрывом, по скату плотина,
Низкорослая жимолость возле белот...

За широким оврагом бегут перелески.
Небогатый лесок. Белым спицам берез
Будто зябка сейчас в ослепительном блеске,
В ярких вспышках июльских мучительных гроз...

Разорвалось ядро... Яркий блеск над завалом...
Черный дым над травой—и мгновенный разрыв.
Ерофеев рванулся тогда к генералу,
Чтоб спасти его, собственным телом прикрыв...

Опоздал... Взрыв... Что это? Оторваны ноги...
Истекающий кровью, в примятой пыли,
Он обрубком сегодня лежит на дороге,
Ставший издавна гордостью русской земли.

И лежит на спине он, беспомощный, строгий,
Истекающий кровью...

О, кто перечтет

В этот день все его боевые дороги
От финляндских снегов до балканских высот..

Молча сняв кивера, пред своим генералом
Все стояли в слезах.

Он лежал недвижимо.

Вдруг открыл он глаза.

Странно, был не усталым
Их стремительный блеск, а совсем молодым.

И лежит он в короткой походной шинели,
В доломане простом...

Из-за туч, с высоты,
Солнце вышло на миг.

Луч скользнул.

Заблестели

На широкой груди ордена и кресты.

Получил их в сраженьях за риск, за отвагу,
И за каждый он кровью по капле платил.

Этот вот

дал Суворов когда-то,

за Прагу,

Этот — с финской войны,

тот — в бою получил...

— Дети, я умираю...

Все плачут угрюмо...

— Ни клочка не отдайте родимой земли...

Снять прошу ордена, чтобы враг не подумал,
Что убит генерал...

если б тело нашли...

Вздох последний...

И смерть...

Подошел Ерофеев.

Снял кресты, ордена...

Положил на глаза

Стертых два пятака...

Пахло дымом, шалфеем...

Мелкий дождь моросил...

Грохотала гроза...

И казалось, на миг распахнулись просторы.

И обратно, под яростным свистом свинца,

Поскакали тогда казаки и фланкеры —

В арьергардном бою отомстить за отца.

О беспамятство рубки! Сверкая клинками,

Звонко тенькая пиками, рваться вперед

И стремительной лавой скакать пред врагами,

По оврагам, по мшаннику топких болот.

Ерофеев хранил вечный сон генерала...

Тело Кульнева было накрыто плащом...

Первый раз не в бою они оба... Настало

Время нам горевать, вспоминая о нем.

«Что же, смерти такой разве ты прекословишь?

Сам я стар, где-нибудь да подстрелят в бою.

Без тебя разве жизнь будет, славный Петрович?

Только тело б отвезть мне в деревню твою...»

Не смешав своего боевого порядка,

Кони мчались назад, чуть касаясь земли.

Смолкли выстрелы. Стихла кровавая схватка.

Возвращались гусары и пленных везли.

«Молодца мы потеряли,

Кульнева злодей убил,

Да за то и отчесали —

Дорого ты заплатил.

Сколько тысяч меж рядами
Ты своими не дочтешь,
Сколько саблями, штыками
На плечах ты ран несешь».

В грозный год его смерти, в заветную зиму,
Отходили враги вдоль пылающих рощ,
И опять довелось бивуачному дыму
Над Клястицею стлаться в некастную ночь,

И припомнили здесь все дороги героя
Офицеры московских и тульских полков —
От кровавых трудов арьергардного боя
До заветной поры авангардных боев.

На рассвете послали дозор по верховью,
Напоили коней и на запад ушли,
Честь отдавши ему, оросившему кровью
Эти топкие мшанники русской земли.

...Много лет пронеслесь, но сейчас, если едешь
В летний пасмурный день из далеких краев
По дороге, ведущей из Полоцка в Себеж,
Ты увидишь места этих грозных боев.

И услышишь тогда, как над зреющей рожью,
На широких полях эта песня звучит,
И поклянешься низко тому раздорожью,
Где в бою арьергардном был Кульнев убит.

Июнь 1' 41

БЕЛОВЕЖСКАЯ ПОВЕСТЬ

Из славянских преданий

В поздний вечер в пуще брезжил
Отблеск чистый, небывалый..
Помню осень в Беловежье,
Цвет небес зелено-алый.

Мчался я тропой лесною,
Натянувши туго повод,
И бежал в леса за мною
Телеграфный гулкий провод.

Спутник мой — поляк усатый,
В тех лесах давнишний странник,
Мой веселый провожатый,
Про прозванью Кшинский Янек,

Мне рассказывал преданья
О годах, давно минувших:

Как, бывало, светлой ранью
Ржали кони на конюшнях,

Про охоты, про облавы,
Как трясиной шла дорога,
Как звенели переправы
Зроном буйвольего рога

Этой медленною речью
Был я странно озабочен,
И его простосердечью
Позавидовал я очень.

Под рассказ неторопливый
Об охотниках старинных
Плеск вдруг слышен у обрыва
Труб высоких журавлиных.

Прогремели из тумана
Трубы их призывным плеском,
И тогда-то вдруг неожиданно
Вышел зубр из перелеска

Как осколок ледниковых
Древних дней, с их тишиною,
На полянах васильковых
Он стоял передо мною.

Он стоял такой огромный,
И горбатый, и мохнатый,
С шерстью грязно-буро-темной
И надменно-бородатый.

Не следил я за полетом
Набежавшей темной тучи,
Удивленный поворотом
Головы его могучей.

Зубр молчал. На конопляник
Он глядел в тот тихий вечер.
И тогда нежданно Янек
Мне сказал, расправив плечи:

— Это древнее молчанье
Громким словом не нарушу.
В пуше есть одно преданье —
Успокаивает душу.

То в годах далеких было..
Трубы пели на откосе..
Русский молодец Данило
Полюбился польке Зосе.

Как игратья ихней свадьбе,
Вдруг беда над пушей встала:
Ходит рыцарь по ус-дѣбе,
Ест наш хлеб и наш: сало.

Ходит немец ненависный,
Ходит пьяный соглядатай,
Преградил пути на Вислу
Этот выродок проклятый.

Убивает, грабит, топчет,
Стала пуща полем рагным.

Пробивает мертвым очи
Он копьем своим булатным.

Поднялась тогда вся пуца,
Занялся в глубинах леса
Дым пожаров стерегуший —
Злого пламени завеса.

Немцев бьют мечом проворным,
Польский воин не страшится,
По немецким латам черным
Кровь немецкая струится.

И ушли исчадья ада,
Бросив Брявки побережья,
Но с собой угнали стадо
Из лесного Беловежья.

Не коров, а зубров взяли,
День и ночь трубя трубою,
Всех из чащи их собрали
И погнали пред собою.

Стало сразу грустно в пуще,
Гул пронесся над лесами,
Тлеет в чаще куст цветущий
С опаленными листьями.

И гроза гремела люто,
Не стерпев того позора,
И прибита градом рута
У высокого забора.

Стало тихо на усадьбе,
Петухи с зарей не пели...
— Как игратья нашей свадьбе
В белом пламени метели? —

Говорит Даниле Зося,
И задумался Данило.
Расплетая тихо косы,
Вновь она заговорила:

— Есть примета — дедов память:
Станут рощи нелюдимы,
Снег вовек не будет таять.
Будут здесь до века зимы,

Если зубры на раздолье
Не вернутся вольным стадом,
Пригибая рогом колья
По разобранным оградам.

Намела метель сугробы,
Надломилa вьюга ели,
На зеленые трущобы
Пали белые метели.

Летом тем, годам на диво,
Разметался снежный пихрь,
Где растет большая ива
У болота «Дикий Никор»

И сказал тогда Данило:
Отобью у немцев стадо,

Мне невесело, немило,
Без тебя, моя отрада.

Стало небо голубое
Сразу сумрачным и низким...
— Где теперь коней напоим?
Стремена мы где почистим?

Зоя встала за рекою,
Напоив его отваром,
Чистым медом со смолою
С горьковатым скипидаром,

Он ее целует в губы,
Скачет он по тропке белой.
Не трубили в полночь трубы,
Лес иудел обледенелый.

Зоя гри ждала недели,
Глаз зеленых не сомкнула,
Вдруг глядит: сквозь гул метели
Тень знакомая мелькнула.

Вьется лесом след дорожный,
А луна в сугроб глядится.
Машет, машет осторожно
Он перчатой рукавицей.

Сразу рев раздался трубный,
Словно горе позабыто,—
То бегут по лесу зубры,
Бьют о гулкий лед копыта.

Как отбил Данило с гадо,
Как убил в бою тевтонов,
Сразу летняя прохлада
Наступила у затона,

Свод небес стал весь разубран
Зорькой, словно листопадом,
Вслед за старым-старым зубром
Зубры всем бежали стадом.

В эту полночь снег растаял,
Лед взломался на побережье,
И гусей крикливых стая
Потянулась в Беловежье.

Летний день перед рассветом
Без сердитого укора
Осыпал вишневым цветом
Все замерзшие озера.

Где кончаются болота —
Дуб высокий на поляне,
Гуси с быстрого полета
Узнают его в тумане.

И ручьи сбегали кругом
В заповедные озера,
И опять пробилась рута
У высокого забора.

Облака над Брявкой плыли,
Месяц плыл под облаками,

И сплела венок Даниле
Зося тонкими руками.

И венок, сплетенный Зосей,
Синий, синий, васильковый,
Вырвал ветер на откосе
И умчал с волной свинцовой.

Распрямились ветви ели,
Волны пенились, как брага,
Тот венок прибили к мели,
Где разбитая коряга.

Сто венков сплела в тот вечер,
Все цветки к цветью и к травке,
Всё у Зоси вырвал ветер,
Всё умчал по тихой Брявке.

Загудели в пуще ветры —
Это тайн особых знаки,
Васильки в венках заветных
Стали красными, как маки.

К той коряге невысокой
Нанесло песку волнами,
Заросли пески осокой
И назвались островами.

Ты поверь тому рассказу,
Приезжают в пущу гости —
Поглядеть желают сразу
Островок «Выся Милости».

Старым зубрам на потребу
Там трава растет зубровка,
И дубы поднялись к небу
Там, где вал зовется «бровка».

И стоят они, насупись,
Будто братья-великаны,
Проросли корнями в супесь,
Обступили все поляны.

И живет в старинной пуще
Сказ о Зосе и Даниле,
Зубр есть в чаще, стерегуший
Васильки на их могиле.

Те цветы вовек не вянут,
Смотрят синими глазами.
Только парни прыгать станут
Над купальскими кострами,

Станут красными, как маки,
Пламя ярче разгорится,
На пустынном буераке
К Брявке стадо зубров мчится:

Это память о Даниле,
И о Зосе, и о счастье,
О сказаньи древних былей
Зубры празднуют в той чаще.

Он рассказ закончил. Мудро
Ты рассказываешь, Янек,

Я гляжу сейчас на зубра,
На высокий комопляник,

Сколько мне не жить на свете,
Но до смертного порога
Будут тешить песни эти
Звоном буйвольего рога.

Слышал я их лепетанье
В тихом плеске речи братской,
Пили песен тех дыханье
И Мицкевич, и Словацкий.

Пил и я у побережий
В грозный год тридцать девятый.
Дальше ж в путь по Белой Веже,
Мой усердный провожатый!

1939—1943

НЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Над снеговой тоской равнинной,
Над глыбами зеленых льдов
Стояла крепость, как былинный
Рассказ о доблести веков.

Разбиты взрывом бастионы,
Огнем войны опалены,
И только снег, да лед зеленый,
Да камень, взрывом опаленный,
В проломах крепостной стены.

Она стояла, как преграда
И как редут передовой,
Как страж полночный Ленинграда,
Плыла в туманах над Невой.

Есть быль. Мне рассказал товарищ
Ее, когда мы шли во мгле,
Среди снегов, огней, пожарниц
По отвованной земле.

Его рассказ не разукрасив,
Стихом я честно передам,
Как шел разведчик Афанасьев
В разведку по гудящим льдам,

О подвигах его, о силе,
Об узких лыжнях на снегах,
О зорях утренних России
На милых невских берегах.

2

Клубился дым с утра по скатам.
В сарае низком и дощатом
Сидели двое. Льды синели.
Врывались песни в вой метели.
Сержант усатый слушал их,
Вдруг распахнул полу шинели,
И семь нашивок золотых
Без слов нам сразу рассказали
О всем былом, пережитом,
Как на Неве клубились дали
В огне, в дыму пороховом.
Семь ран — семь золотых нашивок
Сияли кровью огневой,

А все же был он из счастливых —
Поправился — и снова в бой.
И девушка с лицом упрямым,
С лукавым взглядом светлых глаз,
Сидела рядом и о самом
Ей дорогом вела рассказ.

Они — разведчики. Заданье
Дано с утра. Тяжел маршрут.
«Пора!» С друзьями
расставанье,

В полку — сердечное
прощанье,

И вот вдвоем они идут..

Январский снег искрест и
ярок...

Как описать весь путь бойцов
По льдам мимо разбитых барок
И затонувших катеров,—

Путь в крепость... Дальше снег

и льдины,

И берег в проволоке злой...

Там враг таится.. Воют мины...

Предвестье бури... Близок бой...

Они прошли передним краем

И вышли к крепости. Потом

В «Орешке» их поили чаем

И угощали табаком.

И девушка шутила, цела,
Приклебывала с блюда чай,
Глазами светлыми глядела
И улыбалась невзначай.

Луна зашла... Выходят двое...
Ступают медленно на лед...
Чужая мина злобно воет...
Упали в снег.. Ползут вперед...

3

Вдруг стало вьюжно...
Вьюгой белой

Все сразу замело следы...
О край родной, обледенелый,
Обрывы, скалы, камни, льды.

Сливались белые халаты
С полями белыми снегов...
Вот берега крутого скаты,
Обрывы скользкие холмов.

А на гряде береговой
Застыл немецкий часовой.
— Гляди! — сержант промолвил.—
Наде!

Дается в руки сам... гляди...
И в маскировочном халате
Ползет к сугробу впереди.

И прыгнул он, схватил за горло,
Платком забил слюнявый рот...
У немца вдруг дыханье сперло...
Теперь не крикнешь:

— Кто идет?

Глаза он в черной злобе сузил,
Стоит, застыв, среди камней,
Неповорогливый, как узел
Из наворованных вещей.

— Его доставишь ты на базу,
Я фрицу руки завязал...

— А ты — один вперед? — Не сразу
Ей Афанасьев «да!» сказал.

4

Он вспомнил вдруг пережитое
С ней вместе на путях войны,
В лесах сиянье золотое
И в заозерье плеск волны.

И парашюты в звонком небе,
И вздох пред затяжным прыжком,
И зелень плесени на хлебе,
Когда делился пайком.

Как вместе с ней ползли в разведку
Впервые год тому назад,
Как вздрогнула, пригнувши ветку,
Перед огнем из трех засад.

И хоть за столько дней ни разу
Не чуял этой красоты,
Но вот сейчас открылись глазу
Ее спокойные черты.

Он с ней суров был, строг, как
старший,

Учил искать тропу в лесах,
Ругал за разговор на марше,
Шутил, когда она в слезах.
И вот сейчас... О неужели

Он раньше разгадать не смог...
Ведь и тогда глаза синели,
Был этот взгляд по-женски
строг...

— Прощай! — сказал он тихо.—
Если

Вернусь, я расскажу о том.
Как мучит зов любовной песни
Порою на пути лесном.

Спешి назад... Поспей к
рассвету...

Пройдешь указанным путем...
Ведь буду я дорогу эту
Отсюда охранять огнем.

Она ушла, взмахнув прикладом,
Шел пленный немец перед ней.
Не выхватишь из дымки
взглядом

Ни троп, ни следа, ни огней

И только дымною громадой
Там крепость высилась в огне,
И долго, долго дым косматый,
Клубясь, стелился по земле...

5

С тех пор пять дней прошло.
В тумане
Бойцы в дозорах, на снегу,
Ракет слепительных мельканье
На том следили берегу.

И били артдивизионы,
И огневой стремился вал
Туда, где блеск ракет зеленых
Врага укрыть означал.

И в воздух блиндажи взлетали,
В снега заневской стороны,
И пламенем косматым дали,
Огнем сплошным опалены.

Сказал полковник седоусый,
Когда раскат огня гремел:
— Хоть вы, орлы мои, не трусы,
Но Афанасьев — всем пример.

Его труды, его работа —
Тот взрыв, что озарил снега
В развалинах чужого дзота,
В разбитых блиндажах врага.

...Прошло пять дней. На берег низкий,
Из снежных выбравшись засад,
Разведчик шел артиллерийский
Сквозь фронт к своим друзьям назад.

Контуженный в бою, усталый,
Он, крадучись, путем лесным
Спешил туда, где отблеск алый
Горел над берегом родным.

Уж близок берег... И неожиданно,
По насту снежному звеня,
Скользнули лыжи из тумана,
И сразу — целый сноп огня.

И выстрелов раскат безбрежный,
И злые голоса врагов,
И стынет скат правобережный
Среди пылающих снегов.

Один средь этой волчьей стаи,
Один — но родина за ним, —
Как будто крылья вырастали
За каждым выстрелом глухим.

Отбилсь... Дальше полз... Как реял
Закат над берегом... И вдруг
Увидел он три батареи,
Заснеженный просторный луг.

И сотни немцев у ограды,
И пушки.. три.. четыре... шесть..
И рядом ящики — снаряды,—
Снаряды,—сколько их, не счесть.

И вот захолонуло душу,
Тоски стихом не передашь,—
Сейчас враги огонь обрушат
На боевой порядок наш,

Сорвут, быть может, переправу
Огнем ударных батарей,—
Как поступить тут по уставу,
По долгу совести своей?

Когда б еще ракеты были,
Он выстрелил бы в эту стынь,
Огни б зеленые поплыли
В холодную пустую синь,

И по сигналу сразу б залпом
Огонь сюда перенесли.
Чтоб ливнем грозным и внезапным
Снаряды первые легли,

Он вспомнил вечер... Отблеск, павший
На луг, манивший далеко...
Они читали вместе с Машей
Рассказ о подвиге Данко...

Как волновала их на зорьке
Времен давно прошедших быль,

Что передал когда-то Горький
Словами старой Изергиль.

А луг пестрел, горели маки.
Данко шел гордо впереди,
Пылало сердце, будто факел —
Его он вырвал из груди.

Судьба его давно воспета,
И кто забудет песни те,
Зарю торжественного света
На опаленной высоте?

Разведчик полз... На том изгибе
Как сердце билось в груди...
Коль приведет к победе гибель —
Погибни, только победи!

Он к батарее полз... И вскоре
Уже увидел пред собой
Значок немецкий на заборе,
Мундир мышино-голубой...

«Теперь пора... Уже заложен
Под ящики весь динамит,
Отчизна! Сделаем, что можем,
Пусть взрыв могучий прогремит.

С моею кровью над снегами
Смешается пусть пламя здесь.
Чтоб, умирая, пред врагами
Я светом света вырос весь!

И чтоб раскаты грозно плыли,
Как в мглистом небе корабли.
Нет, мы не все договорили,
Не все пути еще прошли.

Ты ждешь, что встретимся, быть может,
Мы здесь, в сугробах над Невой..
Что ж, не напрасно нами прожит
Был день заветный фронтовой...»

И вот уже взметнулось пламя,
Огонь... Огонь... Мгновенный взрыв
Взметнулся вдруг над берегами,
Поля и рощи озарил...

И сразу стереотрубою
То место взрыва засекли,
И вот за рощей голубою
Снаряды первые легли,

И в блеске огневой завесы
Поплыл артиллерийский гром.
От поля снежного до леса
Весь берег в зареве сплошном.

Нет музыки на свете слаще,
Вал нарастает огневой,
И вот в огне лесные чащи
Над мглистой северной рекой.

Еще в полку о том не знали,
Кто батареи те взорвал,

Но песни уж о нем слагали,
Когда гремел ударный вал.

И этот факел запыхавший
В веках не смеркнет, отпылав,
Прославлен русский воин, павший
За правду, смертью смерть поправ.

7

Заря... У ледяного края,
Над глыбами застывших вод,
Штыками острыми сверкая,
Отряд разведчиков идет.
Под гул бессмертной канонады
На лед заснеженной реки
Вступали первые отряды,
Вступали русские полки.
Вперед! Вперед! Прорвем

блокаду!

Под смертным вражеским огнем
Ударим — и сметем преграду,
Цепь, что ковали Ленинграду,
Тройным усилием разобьем.
Они по льду не шли — летели,
Порыв бойцов неудержим...
Вот надолбы... сугробы... ели...
Уже недалеко до цели...
Дзот за сугробом снеговым...
И Маша шла тогда с отрядом...
Уступы... лед... гряда камней..
И все казалось, будто рядом,

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Мамаевом побоище	3
Повесть о Кульневе	51
Беловежская повесть (Из славянских преданий)	84
Невская повесть	94